

RU

Искажение этнорелигиозного смысла Великой Отечественной войны в современной философии религии

Бобков А. И., Гальцев С. А., Балашов А. В.

Аннотация. Цель исследования – обретение философского понимания этнорелигиозной сущности Великой Отечественной войны как одного из фундаментальных составляющих актуализации философии религии в контексте философского анализа проблемы этнокультурной идентичности современного российского общества. Наряду с этим российскому религиозноведческому сообществу предлагается использовать не только деструктивное, но и конструктивное понимание этнорелигиозности. Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках исследуемой проблемы обсуждаются и сравниваются понятия «народная религия», «религиозный экстремизм», «квазирелигиозный экстремизм». На основании этого анализа авторами через отождествление понятий «этнорелигиозность» и «народная религия» предлагается иное определение «этнорелигиозности». Через понимание феномена этнорелигиозности как практики выявления наличия этнокультурной субъектности в рамках исторического события мирового масштаба авторами намечаются исследовательские перспективы этнорелигиозного дискурса в современной философии религии. Вместе с тем подчеркивается фундирующая роль этнорелигиозности в рамках проблемы установления нормальной исторической преемственности социокультурного развития России как практики предотвращения утраты исторической памяти и фальсификации истории ее народов. В результате отмечается искусственность господства многих деконструктивных русофобских исследовательских практик оценки смысла Великой Отечественной войны и Победы в ней. Через анализ феномена этнорелигиозности раскрывается социоконсолидирующий характер осмысления этого события как философской практики репрезентации наличия этнокультурной субъектности в рамках массовой объективации. Отмечается дискуссионный характер предложенной проблематики. Вместе с тем утверждаются исследовательские перспективы отказа от тупикового неолиберального дискурса в оценке исторического развития русского этноконфессионального сообщества.

EN

Distortion of the ethnoreligious meaning of the Great Patriotic War in modern philosophy of religion

A. I. Bobkov, S. A. Galtsev, A. V. Balashov

Abstract. The study aims to gain a philosophical understanding of the ethnoreligious essence of the Great Patriotic War as one of the fundamental components of updating philosophy of religion in the context of a philosophical analysis of the problem of ethnocultural identity of modern Russian society. Along with this, the Russian religious studies community is invited to use not only a destructive, but also a constructive understanding of ethnoreligiosity. The scientific novelty of the study lies in the fact that within the framework of the problem under study, the concepts of “folk religion”, “religious extremism”, “quasi-religious extremism” are discussed and compared. Based on this analysis, the authors, through the identification of the concepts of ethnoreligiosity and folk religion, offer a different definition of ethnoreligiosity. Through understanding the phenomenon of ethnoreligiosity as a practice of identifying the presence of ethnocultural subjectivity within the framework of a historical event of global significance, the authors outline research prospects for ethnoreligious discourse in modern philosophy of religion. At the same time, the fundamental role of ethnoreligiosity is emphasized within the framework of the problem of establishing normal historical continuity of socio-cultural development of Russia as a practice of preventing the loss of historical memory and falsification of the history of its peoples. As a result of the study, the artificiality of the dominance of many deconstructive Russophobic research practices in assessing the meaning of the Great Patriotic War and the Victory in it is noted. Through the analysis of the phenomenon of ethnoreligiosity, the socio-consolidating nature of understanding this event is revealed as a philosophical practice of representing the presence

of ethnocultural subjectivity in the framework of mass objectification. The debatable nature of the proposed problematic is noted. At the same time, research prospects for abandoning the dead-end neoliberal discourse in assessing the historical development of the Russian ethno-confessional community are affirmed.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что феномен этнорелигиозного в настоящее время в научной периодике чаще всего трактуется как концептуальная основа политического экстремизма и терроризма. Однако ограничение феномена проявления этнорелигиозности в данном историческом периоде существенно снижает значимость практик определения смысла ряда исторических событий как существенно влияющих на оценку его фундаментальной роли в современном этногенезе с позиции философии религии. При этом в рамках западной философии религии этнорелигиозность рассматривается утвердительно лишь такими феноменологами религии, как Б. Кристенсен и М. Элиаде. В их трактовке этнорелигиозность выступает, как важнейший результат прогрессивного религиозного опыта (Кимелев, 1998, с. 45). Западные же теологи в лице П. Тиллиха (1995, с. 399) предполагают, что этнорелигиозность есть феномен, свидетельствующий о регрессе религиозного опыта.

Немаловажен и тот факт, что в российской философии религии к феномену сакрального характера этнорелигиозности в Великой Отечественной войне прибегают только историки религии, для философов религии и богословов это событие не носит актуального характера (Цеханская, 2015).

В контексте философского осмысления данной проблемы необходимо решить следующие задачи:

- определить сущность феномена этнорелигиозности в рамках философии религии;
- проанализировать понятия «этнорелигиозности», «народной религии», «этнорелигиозного экстремизма», «этноконфессиональных общностей» с целью выявления конструктивного и обобщающего характера феномена этнорелигиозности и дать собственное определение этнорелигиозности как синонима народной религии;
- проследить роль данного феномена в актуализации исторической памяти о Великой Отечественной войне как возможности обнаружения экзистенциальной эволюции религии в условиях расколованного мира и господства технократически-сциентистского мировоззрения;
- обозначить теоретико-методологические возможности феноменологического понимания этнорелигиозности в расширении фундаментальной роли философии религии в рамках преодоления кризиса этнокультурной идентичности российского общества.

В исследовании применялись следующие философские методы:

- диалектический (был использован в рамках философского анализа отрицания значимости феномена этнорелигиозности и ее утверждения, а также для объективации связи феномена этнорелигиозности с сегоднешним осмыслением образа Великой Отечественной войны и Победы в ней);
- метафизический (применялся в ходе анализа процесса возвращения проблемы сакрального смысла Великой Отечественной войны в развитии метафизики религии);
- компаративистский (способствовал выявлению различия этнорелигиозного развития российской и европейской цивилизаций).

Ключевым методом исследования выступал феноменологический метод, значимым являлось его определение священного как постоянно наличествующего феномена в рамках процесса этногенеза. В основе исследования – анализ феномена этнорелигиозной самоидентификации в условиях Великой Отечественной войны.

Фундаментальным принципом нашего исследования выступает обращение к феномену этнорелигиозного опыта в Великой Отечественной войне через выделение его в автономную проблемную сферу теологической и философской рефлексии. Необходимость данного принципа вызвана стремлением к тому, чтобы этнорелигиозность приобрела опору, не зависящую ни от религиозных догматов фундаменталистского характера, ни от политически ангажированного рационалистического сциентизма, направленного на зачастую безосновательные утверждения снижения роли религии в историческом развитии человека и человеческих сообществ.

Источниками исследования послужили тексты, посвященные феномену этнорелигиозности (Забияко, 2008a; 2008b; 2008c).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области философии религии (Керимов, 2015; Кимелев, 1998; Погорельская, 2019; Тиллих, 1995), а также философские концепции духовного смысла Великой Отечественной войны (Ильин, 1999; Кожин, 2005; Панарин, 2014; Цеханская, 2015) и работы, посвященные проблеме этнорелигиозной преемственности в контексте исторической памяти и ее роли для социокультурного развития России (Философия русского авангарда, 2018; Зиновьев, 2024; Тощенко, 2000).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания таких предметов, как «История России», «Философия религии», «Этническая психология», «Религиоведение». Результаты нашей работы могут послужить фундаментом для работы над концептуально новыми подходами в философии религии и ее важнейшей составляющей – феноменологии религии. Кроме того, данная статья может служить для разработки новой области философских исследований с рабочим названием «Этнорелигиоведение». Наряду с этим, ее концептуальное значение может быть применено для развития такой отрасли знания, как «Историческая этнология». Наши теоретические положения могут быть полезны при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам этнокультурной идентичности,

геополитики, философии истории, социальной философии, этносоциологии. Следует также отметить, что представленный в статье опыт философского анализа феномена этнорелигиозности может быть применен в качестве теоретической основы для религиозведческой экспертизы деструктивных практик ее актуализации.

Обсуждение и результаты

Если обратиться к популярной научно-поисковой системе «Google академия» с запросом «этнорелигиозный», то похожими запросами поиска сразу выйдут «этнорелигиозный экстремизм» и «этнорелигиозный терроризм». В связи с этим возникает иллюзия того, что этнорелигиозные феномены являются социальными конструктами общества постмодерна и не имеют иного сценария становления и развития. Предполагается, что этнорелигиозность не связана с историческими событиями до глобального кризиса идентичности, берущего свое начало после Второй мировой войны.

Как отмечает А. П. Забияко, одним из проявлений этнорелигиозного экстремизма выступает «радикальное преобразование этноса и межэтнических отношений, подавление чужих этнорелигиозных групп» (2008b, с. 1449).

Такова очевидность господства понимания этнорелигиозности как некоего заблуждения массового сознания, не имеющего позитивных перспектив в современном социально-гуманитарном познании. Как отмечал П. И. Пучков еще в 2007 году, «к сожалению, существование в мире этноконфессиональных общностей пока не вызвало должного внимания ученых, и ни у нас, ни за рубежом до сих пор не появились научные работы, специально посвященные этой проблеме. Дело усугубляется тем, что сам термин «этноконфессиональный», широко ныне используемый в научной литературе, понимается различными учеными неодинаково, причем порой с полным искажением семантики этого слова» (Пучков, 2007, с. 64).

Причин такого игнорирования существует множество. Одной из важнейших в контексте нашей проблемы можно назвать традиционное господство в философии религии католико-протестантского дискурса, направленного на утверждение превосходства универсализма над патернализмом, общего над особенным. Как отмечает Ю. А. Кимелев, «философия религии всегда так или иначе определяется ситуацией религии в обществе и культуре. Философия религии не может не принимать во внимание то, что происходит в теоретической сфере религии – теологии» (Кимелев, 1998, с. 48).

Конечно, нельзя не отметить, что наряду с таким пониманием более мягкими концептами выступают «этнорелигиозный фактор» и «этнорелигиозный состав населения».

В рамках данной статьи мы не будем углубляться в исследование причин столь негативного понимания феномена этнорелигиозности, обозначим только, что феномен этнорелигиозности и идеология терроризма в контексте философии религии имеют ярко выраженные противоположные смыслы. Так, тот же А. П. Забияко отмечает в другой статье: «Религиозная идеология зачастую выступает мощным фактором сдерживания и урегулирования этнорелигиозных конфликтов, сближения народов. Действуя в этом направлении, религия выполняет этноинтегрирующую функцию» (Забияко, 2008с, с. 1460).

Вместе с тем необходимо отметить, что само понятие этнорелигиозности в современной философии религии не является однозначным и широко распространенным. В рамках отечественного религиозведения только М. Ю. Смирнов дал следующее понимание этнорелигиозности: «Этнорелигиозность можно определить как состояние массового сознания и поведения верующих, основанное на отождествлении их этнической принадлежности с исповедуемой религией. При наличии в религии нескольких конфессий, когда предметом религиозного выбора этноса становится одна из них, этнорелигиозность приобретает характер этноконфессиональности» (Смирнов, 2011, с. 59).

Устраивает ли нас такое определение? С позиции оценки самосознания этнокультурных общностей в философии религии – не совсем. Причина кроется в том, что здесь не предусмотрены указание на генезис такого отождествления и потенциал феномена этнорелигиозности как явления, свидетельствующего об историко-субъектном состоянии народа. Наряду с этим М. Ю. Смирнов (2011) отождествляет этническое и массовое сознание, что не отражает саму суть этнорелигиозности как народной религии. На наш взгляд, этнорелигиозность, понимаемая как народная религия, как раз направлена на то, чтобы преобразовать бессубъектное массовое сознание в осознание этнокультурной субъектности историко-социального характера.

В контексте нашей проблемы нам необходимо помнить тот факт, что народная религия устанавливает наличие этнокультурной субъектности гораздо эффективнее, чем официальная религия профессиональной теологической элиты. Здесь следует согласиться с А. П. Забияко, утверждающим, что, «хотя при реконструкции религиозной жизни народов и культур основное внимание обычно уделяется воссозданию вероучения, культа, институтов “религии элиты”, в действительности именно народная религия формирует основное русло истории любой этнокультурной традиции» (2008а, с. 854).

В рамках данной статьи мы дадим следующее определение: «Этнорелигиозность (народная религия) – это верования и практики, направленные на преодоление процесса демонтажа этнокультурной субъектности в интересах массы и массового сознания. Данный процесс протекает в рамках идеологического мифа о преодолении и разрушении этнокультурной традиции как исторической необходимости перехода от самобытности к универсальности модерна. В рамках этнорелигиозности (народной религии) религиозный опыт направлен не на подражание, а на изобретение этнокультурной реальности в ее многообразии. Чаще всего ее очевидность сопряжена с самоактуализацией исторического сознания и проблемой сохранения исторической памяти».

Связь народной религии и исторической памяти может быть установлена, если обратиться к определению, данному Ж. Т. Тощенко, полагающим, что историческая память – это «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память, по сути дела, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» (Тощенко, 2000, с. 3).

Проблема исторической памяти народов современной России тесно связана с этноконсолидирующими событиями, имеющими этнорелигиозный фундамент. В связи с этим нам кажется вполне актуальным понимание Великой Отечественной войны как сакрального события проявления этнорелигиозной субъектности в рамках актуализации народной религии.

Следует заметить, что религиозный смысл Великой Отечественной войны и ее этнорелигиозная символика становятся все более очевидными в силу того, что процесс ее историко-политического познания совмещается с процессом философско-религиозного познания верований и убеждений. Проблема знания фактов, структурирующих событие, сочетается с проблемой определения его метафизического характера. Теперь, в эпоху ухода от господства фундаментальных рациональных оснований социокультурного бытия, нас интересует трансцендентный этнокультурный субъект, явивший миру наличие сверхъестественных сил, дающих возможность для иррационального понимания исторических событий. Как отмечает К. В. Цеханская, «научное моделирование процессов прошлого и настоящего не может дать целостного знания о них без учета фактора трансцендентного присутствия сверхразумной силы, явственно преломленной на цивилизационных путях человечества, в исторических судьбах и культурном созидании всех народов» (2015, с. 76).

Если обозначить нашу проблему в историко-философском ключе, то она тесно связана с иррациональной философией. Иррационализм в данном контексте представляет критику разума, который путем реконструкции этнорелигиозных структур в их социальном и культурном выражении приводит к состоянию «стандартизации» этнокультурного самосознания человека. Цель рационализма в истории – лишить человека этнокультурной самобытности как сознания неповторимого своеобразия его этнорелигиозной субъектности. Иррациональное в истории нацелено как раз на то, чтобы это своеобразие не полагалось в качестве основы отрицания наличия этнорелигиозной субъектности у других. Все усилия иррациональности в данном случае направлены на утверждение социокультурного многообразия человека и человечества в его этнокультурном бытии.

В связи с этим следует заметить, что иррациональное в осмыслении этнорелигиозной составляющей в философии религии требует осторожного обращения с его историческими реконструкциями. Причина здесь кроется в том, что в процессе реконструкции легко прийти к утверждению того, что феномен этнорелигиозного как практика лишения ценности процесса постановки прагматической исторической цели не играет вообще никакой роли в сохранении исторической памяти народа в ее действенности. Однако творец философии русского археоавангарда Ф. И. Гиренок вопреки этому тезису утверждает, что «в смысле истории мы, русские, находимся где-то у ее истоков. Все цивилизованные народы ушли в своей истории к реализованному телосу, а мы все еще никуда не ушли и находимся вне истории, у своего начала, у родников народной жизни. Поэтому мы расположены ближе к истине дословного, но дальше всех отстоим от своих целей» (Цит. по: Философия русского авангарда, 2018, с. 87).

Более того, для многих исследователей социальной составляющей философии религии, как указывает Т. Х. Керимов (2015), феномен иррационального в истории выделяется в онто-теологическом конструировании этносоциальной реальности. Онто-теология зачастую обозначается как ошибочная субъективная практика реконструкции «закрытого» тоталитарного этнорелигиозного общества фундаменталистского характера в эпоху господства пост-фундаментализма в социальном познании.

В условиях пост-фундаментализма военные памятники русскому солдату как символы его священного действия в истории сносятся с завидной регулярностью не только в объятых русофобией странах бывшего социалистического лагеря. Точно так же этнорелигиозный смысл Великой Отечественной войны и Великой Победы определяется в сознании нашего русофобствующего западнического социально-гуманитарного сообщества досадным заблуждением обманутых властью масс.

Уже ни для кого не является секретом, что священной войной Великая Отечественная является только для тех советских людей и их потомков, полагающих себя вышедшими из этой войны другим этнокультурным сообществом. Сообществом, способным к технологическому и духовному превосходству Запада, с одной стороны, и к духовной чистоте самоотречения от индивидуальности в пользу коллективности – с другой. Разве не о русских в СССР следующие слова И. А. Ильина, утверждавшего, что в эпоху войны «возникает взаимное понимание; слагается уверенность друг в друге; создается доверие друг к другу. А доверие есть ключ ко всем замкам души, скрывающим ее входы. Является область, где не нужны эти замки, где можно раскрыться, где нет уже оснований к отъединению. Мы говорим друг с другом о войне и не чувствуем ложного стыда – любить наше общее, вместе радоваться его подъему и его высоте, вместе скорбеть об его несовершенствах и неудачах» (Ильин, 1999, с. 10).

Для интеллектуалов, мыслящих в рамках современной западной секулярности, проблему представляет отсутствие в народном сознании процесса актуализации модели оппозиции народа и власти в эпоху войны. Им противен тот факт, что актуализируется консолидирующая символическая этнорелигиозная традиция – традиция, способная преодолеть состояние объекта индивидуализированной массы и утвердить наличие этнокультурной субъектности всемирно-исторического масштаба. Субъектности, способной критически рассмотреть миф разрыва исторических эпох с целью получения понимания очевидности их преемственности.

Как в свое время справедливо заметил А. Ф. Лосев, в контексте самоактуализации этнорелигиозной субъектности эпоха Великой Отечественной войны выступает эпохой обозначения того, что «в век зарождающегося социализма основной интуицией является вовсе не интуиция чувственно-материальной вещи, но интуиция свободно-деятельного и творчески-трудового коллектива» (1989, с. 32).

Факт того, что военное столкновение немецкой нации и советского народа получилось не в пользу первой, имеет массу значений для философии истории. Победа советского народа в войне оказалась победой русского коммунизма над национал-социализмом, что обозначает смысл русского коммунизма как альтернативный путь в социальное состояние модерна или иной проект модерна. В рамках этого проекта советский народ практически определяется не как отставший от модерна природный реликт, а как гомеостатический субъект – субъект, способный сопротивляться внешнему воздействию деструктивного характера, направленному на деконструкцию этносоциокультурной системы. Гомеостаз в этом случае можно понимать как процесс замены состояния квазирелигиозного сциентистского социоцентризма пассивной массы на состояние этнорелигиозной субъектности «народа в силе».

Смысл народной религии как практики гомеостаза можно определить как исключение модели фальсификации истории Второй мировой войны, направленное на утверждение наличия квазирелигиозного смысла и у русского коммунизма, и у немецкого национал-социализма. Дегуманизация этнокультурного русского сообщества периода Великой Отечественной войны в контексте его отождествления с немецкой национал-социалистической массой полагалась зарубежными философами религии результатом их неправильного отношения к религии и подмены предельного интереса народа неприкосновенным утилитарным политико-экономическим национальным интересом.

Известный теолог Пауль Тиллих предполагал, что обе противоборствующие стороны были подчинены квазирелигиозным началам и поэтому священного смысла в войне не было. В частности, он отмечал: «В системах фашизма и коммунизма национальные и социальные интересы подняты до предельного уровня. С человеческой точки зрения это великие и достойные цели, ради которых стоит пойти даже на смерть, но ни одна из них не может быть безусловным интересом. Ибо умирать можно за то, что обусловлено бытием и смыслом; так, многие немцы, исходя из национальных соображений, погибали за гитлеровскую Германию, хотя ненавидели национал-социализм и втайне надеялись на его поражение» (Тиллих, 1995, с. 399).

К сожалению, утверждение квазирелигиозного смысла войны не позволило увидеть П. Тиллиху тот факт, что консолидирующим началом Советского Союза выступала отрицаемая идеологией, но не отторгнутая народом этнорелигиозная идентичность. Во время Великой Отечественной войны в русский коммунизм парадоксальным образом в качестве его духовной основы была включена русская идея – этот процесс являлся результатом самоактуализации этнорелигиозной субъектности в условиях глобального социального бедствия (Зиновьев, 2024). Русский коммунизм, в отличие от немецкого национал-социализма, не пытался объективировать население Германии до состояния угрожающего животного вида второго сорта. Мании расового величия у русских не было – это качественное различие, благодаря которому мы вполне четко можем понять, что проект русского модерна покоился не на идее нации, а на национальной идее. Как отмечал А. С. Панарин, «вторым этапом натурализации коммунизма, в результате которого произошло его новое очищение от всего бесчеловечно доктринерского и ходульно-утопического, стала Великая Отечественная война. В первые же дни войны обнажилась тайна коммунистического сознания, прежде тщательно скрываемая товарищами по партии: они, оказывается, знали об инородности своего учения и своего строя национальному большинству России. И когда запахло жареным, Сталин отбросил коммунистическую говорильню и нашел ясные и простые, как сама правда, слова о Родине, о великих предках, о земле и традиции, которых нельзя отдать врагу на поругание. Тем самым был сделан следующий шаг и на пути национализации коммунизма в России, и на пути очищения «учения» от бредовых идей оголтелого сектантства, враждебного реальной жизни» (Панарин, 2014, с. 683–684).

Парадоксально, но отказавший русскому народу в трансцендентном П. Тиллих именно эту трансцендентность и описывает – описывает ее в том ключе, что священный смысл войны кроется в этнорелигиозности. Безбожное русское царство в условиях смертельной угрозы экзистенциального характера сумело понять, что движущей силой в этой войне выступает не превосходство избранной нации над неизбранной, а защита идеи национального предназначения. Русские защищали «замысел творца о России». Для них не «нация как таковая, а конкретная идея национального призвания (например, осуществление справедливости или свободы) выступает в качестве предельного интереса» (Тиллих, 1995, с. 399).

Если мы в результате нашей исследовательской практики пришли к тому, что священная война России сегодня выступает событием явленности этнорелигиозного субъекта в разгар господства секулярного мировоззрения, то нам следует акцентировать внимание на том, что смысл обесценивания Победы в Великой Отечественной войне связан с тем, что ее символическое значение не устраивает тех, для кого демонтаж русского проекта модерна экзистенциально необходим – необходим в силу того, что дегуманизация социального бытия иначе не может быть достигнута.

Причина борьбы с исторической памятью о войне в ее этнорелигиозном контексте заключается в том, что в секулярном обществе западного модерна, как уже отмечалось, этнорелигиозность не может определяться как феномен, обладающий социосозидающей энергией, он имеет только социоразрушающий смысл.

Народная религия для сторонников такого ее понимания не предполагает аспекта, в рамках которого Великая Отечественная война может быть рассмотрена как борьба двух смыслов существования человека и человечества. Она может быть определена как процесс столкновения исторической органичности, сумевшей

выдержать первый натиск машинерии ценой отказа от тотальной рациональности и использовать эту машинерию без поглощения самой себя, с внеисторической машинерией. Объятый машинерией человек уже не в состоянии восстановить народную религию и этнокультурную субъектность. Ему это не нужно в силу его превосходства в начале войны. В качестве доказательства такого смыслового различия можно привести высказывание о первых днях войны одного из наших ветеранов, отмечавшего: «Немецкий солдат – это в основном промышленный рабочий одной из самых образованных наций мира. Технар. Наш красноармеец – колхозник, хорошо владеющий косой, вилами и т. д. Война же была “войной моторов” ...» (Цит. по: Кожинов, 2005, с. 26). «Война моторов» в рамках нашей проблемы была войной техно-этноархаических псевдо-богов с одним «русским Богом», если в нарушение языка философии прибегнуть к идиомам и метафорам.

При этом охваченные властью машинерии народы сегодня стремятся к тому, чтобы состоялся блицкриг против русских именно с целью лишения их исторической памяти и памяти о них как об освободителях человека и человечества от традиций расового превосходства. Этнорелигиозность русских исторически определяется тем, что она на поле боя ломает любую социальную мегамашину Запада, ломает путем ухода от состояния назначенной жертвы в состояние жертвующего собой субъекта, но в интересах спасения человека и человечества от бессубъектной расово-биологической идентичности, разрушает мегамашину, которая создается как раз благодаря утрате исторической памяти и могущественна до тех пор, пока эта память не возникает в лице этнорелигиозного субъекта. Не случайно М. Хайдеггер отмечал: «Машина и Машинерия не знают ни памяти, ни воспоминания. Где господствует машинерия – а она лучше всего господствует и лучше всего скрыта там, где человеческое бытие (Dasein) подменяется мировоззрением, – там насаждается лишь некая видимость исторического воспоминания. Настоящее же воспоминание – это когда прошедшее любимо, т. е. знакомо и желанно как сущностно важное, как мера измерения, будущего» (Цит. по: Погорельская, 2019, с. 17).

Как ни удивительно, но ситуация отрицания наличия феномена этнорелигиозной преемственности в истории России как закономерности развития православной цивилизации повторяется. Сегодня многие исследователи полагают, что для вступления в западный пост-секулярный мир необходимо доказать тупиковую сущность исторической памяти этнорелигиозного характера. Современные этноархаически сконструированные нации на территории бывшего СССР видят смысл своего существования в борьбе с символическим единством народной религии, пробуждающим эту историческую память о советской этнокультурной субъектности. Советский народ является творцом иного решения проблемы модернизации с сохранением народа, поэтому «европеизированной» постсоветской этнократии сепаратистских новых наций кажется возможным за счет сноса памятников советским воинам получить доступ к сообществу избранных.

Является ли это на самом деле пустым занятием? Если это пустое занятие, то почему на нем сосредоточено столько сил? Причина здесь таится в том, что эти памятники являются символами этнорелигиозной субъектности русских, способной быть не смертоносной. Более того, она может быть тем, что уничтожает оппозицию – скажем, оппозицию между советским и постсоветским периодом в истории этих сообществ. Именно ликвидация этой оппозиции помогает узреть то, что в условиях войны, будучи не с Западом, а с частью этнорелигиозной субъектности советского народа, этнокультурные сообщества смогли обнаружить в этнорелигиозности технологию экзистенциального выживания в условиях социального бедствия. Это подтверждается словами И. А. Ильина, призывавшего установить этнорелигиозное понимание войны как желание народу того, «чтобы война имела для него максимальное духовное значение, т. е. чтобы она вызвала расцвет его лучших духовных сил, от которых питаются и должны питаться все последующие поколения и другие народы» (1999, с. 21).

Историческая память о Великой Отечественной войне является не просто феноменом духовного характера – она является технологией предотвращения этнического самоубийства, и в этом понимании ее этнорелигиозный смысл имеет непреходящее значение.

Однако следует заметить, что современный академический дискурс стремится дать однозначно деструктивную оценку феномену этнорелигиозности. И в принципе он имеет убедительные фактические доказательства до тех пор, пока не заходит речь об этнорелигиозном смысле эпох, демонстрирующих преодоление человеческой деструктивности. Не случайно смысл таких эпох у И. А. Ильина (1999) определяется как практика выбора между вечным и преходящим. Этнорелигиозное всегда делает выбор в пользу первого, а сконструированное квазирелигиозное прошлое – в пользу второго. На наш взгляд, конструктивный этнорелигиозный смысл Великой Отечественной войны очевиден тогда, когда «такую эпоху народ переживает каждый раз, как перед ним реально (т. е. не только в отвлеченной возможности) встает практический (т. е. призывающий не к размышлению только, а к действию) вопрос: будет ли он и впредь существовать как духовно живой и духовно творящий народ, или же перед ним начало разложения, пассивности и гибели?» (Ильин, 1999, с. 22).

Этнорелигиозный аспект анализа событий истории признается не столь актуальным по причине того, что в современном секулярном сознании господства секулярной неолиберальной идеологии может иметь смысл только уничтожение любых границ и запретов сакрального характера. Соединение же несоединимого в рамках практик конструирования социальной реальности неолиберального толка должно протекать на уровне деструкции неприкосновенных, а значит, священных структур прошлого таким образом, чтобы возрождение этих структур как практики сакральной синергии было невозможным. Сингулярности как повторения того же самого состояния этнорелигиозной субъектности вообще не может быть. Если же повторение вдруг происходит, то необходимо лишить его какого бы то ни было конструктивного смысла и ценности. Фундаментализм в пост-фундаментальной социальной онтологии изображается тупиковым началом, отступающим от рационального знания в сторону иррационального.

Чтобы утверждение этнорелигиозного смысла Великой Отечественной войны не вызвало актуализации понимания русской идеи как константы сопротивления российской цивилизации универсализму глоболизирующего Запада, необходимо смысл этого события сделать одномерным. Сегодня сакральный смысл исторической памяти о Великой Отечественной войне и Великой Победе обозначается современным российским научным сообществом неолиберального толка как наиболее далекий от социальной истины. Так, в контексте неолиберального трансгуманизма Великая Отечественная война превращается во Вторую мировую войну и определяется как пустое смертоносное событие, лишенное смысла человеческой идентичности. Его совершила обманутая масса в состоянии иррационального страха тоталитарного принуждения, сумевшая иллюзорно устранить то, что устранить невозможно. Устранить было невозможно господство рационального над иррациональным.

Следует отметить, что в неолиберальной доктрине этнорелигиозное как утверждение концепта вечности бытия народа в истории России не может быть обозначено иначе как заблуждение волевого упрямства, вызывающее бессмысленные акты массового самопожертвования. Этнорелигиозное массы сакрализация этих жертв в этнокультурную субъектность превратить не может, поскольку она находится в постоянной оппозиции рациональному секулярному порядку.

К сожалению, симфонического сочетания рационального и иррационального в истории Великой Отечественной войны неолиберальный взгляд видеть не хочет. Тотальный проект неолиберализма полагает, что иного их взаимоотношения, кроме оппозиционного, быть не может. Рациональное стремится к тотальному изгнанию феномена этнорелигиозного как проявления «самости без «Я»». Коллективное «Мы» как историческая субъектность опасно для неолибералов тем, что оно направлено на практику преодоления исторических разрывов.

Заключение

Таким образом мы приходим к следующим выводам.

Сегодня любая практика преодоления объективности концепта исторического разрыва в развитии российского общества провозглашается упрямством части российского социально-гуманитарного исследовательского сообщества, демонтирующей господство концепции русофобии как «нормальной» методологической основы философии истории. Русофобия внутренней оппозиции нужна для безапелляционного утверждения европоцентричного отрицания исторических возможностей для народной религии, кроме экзотической, в рамках философии религии.

Смысл Победы в этнорелигиозном дискурсе сегодня очерчивает русофобию как модель игнорирования проблемы этнокультурной идентичности и исторической памяти. Более того, он предполагает утверждение, что советский альтернативный проект модерны сумел актуализировать этнорелигиозный смысл православной цивилизации как выдержавший деструктивное идеологическое воздействие – как внутреннего, так и внешнего идеологически ориентированного научно-политического сообщества.

В народном (христианском) социализме и (народном) коммунизме, вопреки их официальному западному Просвещенческому происхождению, парадоксально воплотилась этнорелигиозная русская идея как практика недопустимости превосходства сконструированной для массы этноархаики над лиминальностью этнокультурной субъектности. Этнорелигиозность в контексте нашего исследования может быть определена как историческая практика недопущения этносоциального самоубийства, проигнорированная неоднократно, но возникающая вновь.

Еще одной немаловажной чертой этнорелигиозного смысла Великой Отечественной войны и Победы является тот факт, что философия религии может быть не только установлением универсальности религии, но и утверждением наличия феномена самоактуализации этнорелигии в эпоху социального бедствия. Этот этнорелигиозный опыт был присущ русскому народу тогда, когда советское государство от секуляризации перешло к сакрализации этнокультурного сообщества в условиях войны.

Сакрализация этнокультурного сообщества на основе феномена этнорелигиозности может быть определена как фундаментальный процесс понимания человекоосозидающего смысла священного. Этнорелигиозный феномен выступает константой самобытного социокультурного развития российского общества и в мирное время. И понимание постоянства его наличия станет более очевидным благодаря признанию смысла этнорелигиозности центральной проблемой, связующей философию религии и философию истории.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать применение полученных теоретических выводов для снижения массива реабилитирующих религию исследований, ставших зачастую господствующими в современной философии религии. Кроме этого, полагаем, что наше исследование сможет послужить надежной основой для начала актуализации непредвзятых исследований этнорелигиозности в рамках философии религии и религиоведения. Наряду с этим хотелось бы надеяться на тот факт, что этнорелигиоведческие исследования наконец обретут статус новой науки в составе религиоведения.

Материалы исследования | Research materials

1. Забияко А. П. Народная религия // Энциклопедия религий. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008а.
2. Забияко А. П. Экстремизм религиозный // Энциклопедия религий. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008b.
3. Забияко А. П. Этнорелигиозный (этноконфессиональный) конфликт // Энциклопедия религий. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008с.

Источники | References

1. Зиновьев А. А. Гибель русского коммунизма (Гибель «Империи зла»). М.: Канон-плюс, 2024.
2. Ильин И. А. Духовный смысл войны // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9-10.
3. Керимов Т. Х. Онтология как онто-теология и ориентиры ее преодоления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 14.
4. Кимелев Ю. А. Философия религии: систематический очерк. М.: Издательский Дом "Nota Bene", 1998.
5. Кожин В. Великая война России. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
6. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. М.: Мысль, 1989.
7. Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
8. Погорельская С. В. «Черные тетради». Новое измерение философии М. Хайдеггера: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2019.
9. Пучков П. И. Этноконфессиональные общности // Вера. Этнос. Нации. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2007.
10. Смирнов М. Ю. Этнорелигиозность и формы ее проявления // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы Всероссийской с международным участием конференции, посвященной 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ, Барнаул, 02-04 октября 2011 г. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2011.
11. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995.
12. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
13. Философия русского авангарда: коллективная монография. М.: РГ-Пресс, 2018.
14. Пеханская К. В. Идеал жертвенности в русском религиозном самосознании // Евразийский союз ученых. 2015. № 11-1 (20).

Информация об авторах | Author information

Бобков Александр Иванович¹, к. филос. н., доц.
Гальцев Сергей Александрович², к. филос. н., проф.
Балашов Александр Викторович³

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

² Иркутский национальный исследовательский технический университет

³ Иркутский государственный университет

Aleksandr Ivanovich Bobkov¹, PhD
Sergey Aleksandrovich Galtsev², PhD
Aleksandr Viktorovich Balashov³

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

² Irkutsk National Research Technical University

³ Irkutsk State University

¹ iab71@inbox.ru, ² gans1958@mail.ru, ³ avb27@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.06.2025; опубликовано online (published online): 23.07.2025.

Ключевые слова (keywords): феномен этнорелигиозности; Великая Отечественная война; философия религии; этнокультурная идентичность; народная религия; phenomenon of ethnoreligiosity; Great Patriotic War; philosophy of religion; ethnocultural identity; folk religion.